

7.2. От Дубоссар к Бериславу. Владимировка. Воссиятское

Выступление из Дубоссар Дроздовский назначил первоначально на вечер 6(19) марта. Однако начать движение Бригада смогла лишь на следующий день в 9.20 утра. Колонна сразу же растянулась на многие километры. Выявилась не бросавшаяся ранее в глаза неповоротливость разросшегося обоза.

Дроздовский делал выводы и принимал меры. Хозяйственная часть по мере возможности сокращалась⁵⁵⁰, дальнейшие переходы производились тремя колоннами по параллельным дорогам. Выступали, как правило, на рассвете. К вечеру, преодолев за день 60-65 километров⁵⁵¹, подразделения выходили к заранее определенным пунктам и там становились на ночлег.

От Дубоссар к Южному Бугу шли почти строго в восточном направлении. Ещё 17 февраля (2 марта) немцы заняли оставленный большевиками Киев. Их пока ещё незначительные авангарды медленно продвигались к Полтаве и Харькову, где натолкнулись на куда более организованное сопротивление. 18 февраля (3 марта) австрийцы вошли в Жмеринку. 2(15) марта была эвакуирована Одесса, 4(17) марта немцы заняли Николаев.

Выбранный Дроздовским маршрут оставлял Бригаду в отдалении как от больших боёв, так и от районов сосредоточения крупных австро-германских отрядов. Формально полоса продвижения Бригады находилась уже в зоне австрийской оккупации. На деле же австрийцы располагали здесь лишь разъездами. Украинские эмиссары не имели и этого.

Австрийцы, на удивление, были корректны и даже доброжелательны. 8(21) марта средняя колонна «дроздовцев», проходившая в непосредственной близости от железной дороги, на перегоне между Бирзулой и Жмеринкой дважды мирно и безболезненно пересекалась со следующими к югу австрийскими военными эшелонами. На переезде австрийские офицеры

---

⁵⁵⁰ На марше в крупных населённых пунктах продолжали продавать и обменивать на бензин «лишние» автомобили.

⁵⁵¹ Преобладающую численно пехоту везли на подводах.

приветствовали добровольцев отданием чести и пожелали им счастливой дороги.

Не обошлось, впрочем, и без «недоразумений». Дроздовским регулярно в качестве охранения и разведки высылались конные дозоры. Привыкшие реквизировать всё необходимое для нужд Бригады кавалеристы 1-го эскадрона занялись этим и в близлежащих сёлах. Жители, которым было совершенно безразлично, кто и с какой целью отбирает их имущество, пожаловались австрийцам. В результате разъезд «дроздовцев», принятый за советский отряд⁵⁵², был ими обстрелян, два добровольца легко ранены. Дроздовский высылал к месту происшествия броневик, но поддержка его не понадобилась. В телефонном разговоре с австрийским комендантом расположенной к северу от пути движения станции Мардаровки все вопросы были разрешены.

Дроздовский ещё до выступления заявил о том, что Бригада по отношению к австро-германским войскам на Украине сохраняет нейтралитет. Цель её – борьба с большевиками. Комендант, видимо знавший об этом, заверял, что австрийцы против русских добровольцев «ничего не имеют, предлагают свободный путь, лишь бы не обижали жителей». И просил ещё «не стрелять по их отдельным группам, если будут проходить». Дроздовский в свою очередь пообещал, что ничего подобного больше не повторится, и подразделения Бригады первыми огонь открывать не станут. К кавалеристам 1-го эскадрона, едва не сорвавшим «нейтралитет», который один лишь и мог обеспечить продвижение на восток, были приняты меры дисциплинарного характера. Дроздовский даже грозил, что отдаст их под суд. Но дело, конечно, ограничилось порицанием.

Тем не менее с реквизициями было покончено. За всё теперь платили, что немало удивляло привыкших к иному обращению крестьян.

С каждой почти днёвки Дроздовский отправлял в так на-

⁵⁵² Об этом рассказали подходившим от Дубоссар, сопровождающим отставший грузовой автомобиль кавалеристам сами австрийцы. Они даже и не пытались задержать «дроздовцев».

зываемые «дальние командировки» переодетых офицеров. Помимо разведывательной миссии и сбора информации они пытались привлечь в Бригаду новых бойцов. Присоединялись единицы. В большинстве – офицеры из городков и местечек. Имели место и случаи дезертирства. Но также единичные.

В ночь на 12(25) марта к Дроздовскому прибыл офицер из отряда полковника М.А. Жебрака⁵⁵³. По его словам, в отряде было до 100 добровольцев, обоз и большое число строевых лошадей. Сообщалось также, что ещё 10(23) марта полковник должен был выступить из Дубоссар. Дроздовский, несмотря на близость австрийцев, которая сильно его нервировала, принял решение задержаться на 1-2 дня на левом берегу Буга до подхода Жебрака.

На следующий день стали на днёвку в деревне Весёлой. 13(26) марта туда же прибыл и Жебрак, отряд которого остановился в Новополовке. Днём состоялись переговоры между начальниками двух добровольческих частей. Однако соединением они не завершились, подчиниться Дроздовскому Жебрак отказался. Условились лишь, что следовать на Дон будут параллельными маршрутами, при необходимости оказывая друг другу помощь.

Бригада двинулась дальше. 15(28) марта в Домашевке Дроздовский принял решение переправляться через Буг не в Вознесенске, где стоял австрийский батальон с четырьмя орудиями, а в Александровке, используя паром. В 18 часов выступили к переправе. Впереди прошла конница с конно-горной батареей. За ней – вся пехота. И в арьергарде – автомобили⁵⁵⁴. В этом же порядке по мере подхода подразделений к реке и переправлялись. На всякий случай сразу выставили на левом

⁵⁵³ Отряд был сформирован в Измаиле полковником М.А. Жебраком-Русакевичем из добровольцев пехотной Балтийской морской дивизии.

⁵⁵⁴ Днём в Домашевке удалось приобрести у помещицы из соседней экономии до 250 пудов бензина. Чины авточасти, оборудовавшие цистерну в кузове одного из грузовиков, не скрывали радости от неожиданной удачи. По расчётам выходило, что теперь горючего должно было хватить для всех автомобилей. Довольна была и помещица, резонно полагавшая, что после ухода «дроздовцев» горючее у неё всё равно бы реквизировали, вряд ли что при этом заплатив.

берегу лёгкую батарею, но переправа прошла спокойно. Лишь к 6 часам утра 16(29) марта удалось переправить строевые части⁵⁵⁵. За ними пошёл обоз.

Дальше двинулись лишь на рассвете 17(30) марта. На следующий день колонну застала в поле пурга. Ввиду поломки пришлось бросить грузовой автомобиль со скорострельной пушкой в кузове. Сняли запасные части, слили бензин. Машину и орудие испортили. Она так и осталась стоять у дороги, засыпаемая снегом.

Изменившиеся погодные условия заметно усложнили продвижение автомобилей и броневого отряда. Они начали отставать. В Еланце Дроздовский вынужден был устроить незапланированную днёвку. Лишь во второй половине дня последняя машина въехала в селение. Выяснилось, что почти все они требуют серьёзного ремонта. Поэтому решено было отправить автоколонну на два самостоятельных перехода вперёд, с тем, чтобы, имея резерв времени, шофёры могли отремонтировать свои автомобили.

Из этой затеи, однако, ничего хорошего не вышло. На следующий день морозное безоблачное утро сменилось вдруг мокрым снегом, сыпавшим, не переставая, с затянутого тучами неба. Дороги развезло. Выброшенная вперёд автоколонна, не пройдя и трети перехода, вместо намеченных трёх, безнадёжно застряла в грязи у Васильевки.

Пехота с огромным трудом достигла уже под вечер Софиевки, где Бригада и стала на ночлег. Ввиду ухудшения погодных условий Дроздовский вынужден был сократить переходы. Бригада с большим трудом и несколькими вынужденными остановками перешла лишь в Новый Буг⁵⁵⁶. Машины же были остав-

---

⁵⁵⁵ Как ни странно, отрывочные сведения о «дроздовцах» периодически доходили до высшего советского командования. Вот что пишет по этому поводу Антонов-Овсеенко: «Егоров... из Александровска 29 марта сообщал, между прочим, о столкновении херсонских красногвардейцев с офицерским отрядом Дроздовского, пытавшимся перейти Днепр».

⁵⁵⁶ Отсюда 21 марта (3 апреля), помимо обычной разведки в сторону Берислава, на этот раз в по-настоящему дальнюю командировку, на Дон, к Корнилову, были направлены два переодетых в гражданское офицера, Бологовский и Кудряшёв.

лены в Васильевке, где им надлежало сделать ремонт. Только после этого автоколонне предписывалось двигаться дальше.

На левом берегу Буга отношение к «дроздовцам» со стороны местного населения изменилось, и не в лучшую сторону. Давала о себе знать близость Екатеринослава и районов формирования многочисленных анархистского толка отрядиков, образовавшихся в условиях не прекращавшегося безвластия.

Впрочем, в самом Новом Буге местный комитет при подходе «дроздовцев» вдруг заявил о разрыве с большевиками, занялся наведением порядка и успел расстрелять трёх задержанных мародёров. Оценив это, Дроздовский даже не отобрал у комитетчиков оружия. Часть местечка, занятую Бригадой, охраняли добровольцы. Остальную – патрули местной власти. Желание использовать в своих интересах местную кузницу привело к очередной задержке ещё на одни сутки.

С утра 22 марта (4 апреля) к Дроздовскому прибыл с одного из близлежащих хуторов офицер, штабс-капитан и запросил помощи против якобы «сплошь большевистской» деревни Малеевки. Был выделен отряд в составе пехотной роты, конного эскадрона и конно-горного артиллерийского взвода под общим командованием генерала Неведовского, который и выступил во второй половине дня.

Вскоре в Новый Буг пришли два израненных офицера Ширванского полка и сообщили следующее. Они с командиром полка, полковым знаменем и несколькими солдатами пробирались с фронта на Кавказ. В районе села Александрово группа была арестована и избита красногвардейцами. По их словам, четверых казнили, а остальным удалось укрыться в селении Владимировка, где население отнеслось к ним сочувственно. Местный фельдшер даже препроводил их в больницу Нового Буга. Просьба была понятной, оказать военную помощь одному селу против другого.

«Внутри всё заныло от желания мести и злобы, – пишет Дроздовский в дневнике. – Уже рисовались в воображении пожары этих деревень, поголовные расстрелы и столбы на месте кары с надписями – за что. Потом немного улеглось. Постараемся, конечно, разобраться, но расправа должна быть жестокой,

беспощадной: «Два ока за око!» Пусть знают цену офицерской крови!

Всем отрядом решил завтра раненько выступить, чтобы прийти днём на место...»

Необходимо отметить следующее. Бригада и раньше поддерживала в занимаемых населённых пунктах то, что её командир считал порядком. Но эти случаи носили единичный, эпизодический характер. За Новым Бугом ситуация резко изменилась. Теперь карательные, по существу, экспедиции становились едва ли не нормой. И, думается, не в последнюю очередь, это было обусловлено складом характера Дроздовского.

Полковник был человеком волевым и целеустремлённым, но в то же самое время отличался также обидчивостью и мнительностью. Несмотря на внешнее спокойствие, ему не всегда удавалось сохранять душевное равновесие. То, что преподаватели ещё в училище откровенно называли упрямством, научило Дроздовского идти к поставленной цели до конца. Но любая неудача могла выбить его из колеи, и временами от решительности не оставалось и следа.

И тогда случайный австрийский разъезд в два десятка сабель представлялся Дроздовскому началом операции по разоружению Бригады, объявленные немцами сводки их нового удачного наступления на Западном фронте – крушением всех надежд⁵⁵⁷, а множасься неблагоприятные слухи заставляли усомниться в целесообразности самого похода.

Накопившиеся раздражение и неопределённость обращались неоправданной, по мнению многих, жестокостью. «Население, – пишет Деникин, – повсюду встречало отряд как своих избавителей и, не отдавая себе отчета ни в силе, ни в назначении его с приходом добровольцев связывало надежды на окончание смуты. Из далёких сел приходили депутации, прося спасти их от «душегубов», привозили связанными своих большевиков, членов советов – и преступных, *и может быть, невинных* – «на суд и расправу».

Суд бывал краток, расправа жестока.

---

⁵⁵⁷ Дроздовский был уверен, что лишь победа союзников могла переломить ход событий в России.

А наутро отряд уходил дальше, оставляя за собой развороченный муравейник, кипящие страсти и затаенную месть».

В Новом Буге к Бригаде присоединились 4 офицера, догонявшие её от Кишинёва. По дороге они сумели разоружить местечковый совет, раздобыть за счёт его винтовки и даже стереотрубу. То, что их так никто и не задержал, наглядно демонстрирует слабость, а вернее, отсутствие как Советской, так и любой другой власти вне городов. И объясняет, отчего столь легко прошла по югу Украины, вплоть до границ Донской области, и сама Бригада.

В тот же день на станцию Новый Буг, расположенную в стороне от поселения, прибыл австрийский военный эшелон. Простоял на путях, прикрывшись жиденькой цепью, снялся и ушёл на север. Два австрийских офицера прибыли к Дроздовскому. Требовали, чтобы кто-нибудь отправился с ними на станцию для переговоров по телефону с Николаевом⁵⁵⁸, поскольку сами они не знали, разрешит ли командование пропустить Бригаду далее на восток.

Конфликтовать не стали. На станцию ездил Войналович. С Николаевым связаться не удалось. Переговорили лишь с начальником ушедшего эшелона. Австрийцы, которых оставалось на станции не более 50 человек, резко сбавили тон. Отсутствие связи наводило на мысль о диверсии большевиков. Никто из них уже и не думал задерживать «дроздовцев». Проявляли куда большую озабоченность перспективой быть отрезанными на станции крупным отрядом неизвестного противника и высказывали пожелание как можно скорее вернуться в Николаев. Настаивали лишь на том, чтобы во избежание возможных столкновений им предоставили данные о дальнейшем пути следования Бригады. Войналович охотно пояснил, что Бригада простоят в Новом Буге ещё двое-трое суток, а затем двинется на север, к Александровску, откуда пойдёт прямо на Москву. Эта версия была согласована с Дроздовским и ничего общего с действительными планами не имела.

---

⁵⁵⁸ К этому времени, помимо Николаева и Одессы, были уже заняты немцами Херсон, Кривой Рог и, после короткого боя, Екатеринослав.

Дроздовский хотел покинуть селение немедленно, но Войналович, который относился к вынужденному случайному соседству с кучкой австрийцев куда спокойнее, от ночного марша в непогоду его отговорил. Всё же с утра 23 марта (5 апреля) колонна стала выдвигаться из местечка. Несмотря на улучшение погоды и подсохший тракт, основные силы достигли Владимировки лишь к 17 часам. Далеко опередившая колонну конница прибыла в село ещё днём. Опросив жителей и получив от них подробные сведения о ситуации в Долгоруково, бывший с конниками Войналович принял решение не дожидаться подхода пехоты.

1-й эскадрон окружил Долгоруково, блокировав дороги. На взгорке стал на позицию горный артиллерийский взвод, у переправы – пулемётчики. Дали две-три очереди, и жители мгновенно попрятались по домам. Кавалерийский взвод ворвался в село, наткнулся у околицы на местных комитетчиков, которых тут же изрубили. Командир потребовал немедленно выдать убийц «ширванцев». «Виновные», опознанные укрытыми во Владимировке офицерами, были тут же расстреляны⁵⁵⁹. Их дома сожжены. Всех мужчин моложе 45-ти лет пороли свои же старики. В довершение было приказано местным жителям сгонять весь скот и свозить съестной фураж «на весь отряд». Денег не платили. Забрали также и всех годных лошадей.

К вечеру разведкой были обнаружены подходившие к селу подводы с винтовками, сопровождаемые восемью красногвардейцами⁵⁶⁰. Застигнутые врасплох атакующей конницей, они, тем не менее, оказали решительное сопротивление и отстреливались до последнего. В результате шестеро были зарублены, одного раненым привезли в деревню, а главный ускакал. Всего в этот день в Долгоруково «дроздовцы» расстреляли и убили в бою 34 человека.

⁵⁵⁹ «Наш налёт был так неожидан и быстр, – писал Дроздовский, – что ни один виновник не скрылся».

⁵⁶⁰ Красной гвардией Дроздовский в своём дневнике называет все вооружённые поселковые формирования. Думается, в подавляющем большинстве, эти отряды и отрядики, находившиеся к тому же фактически в зоне оккупации, создавались для разрешения локальных местечковых конфликтов, и имели весьма смутные политические ориентиры.

К 20 часам подошёл от Малеевки и отряд Неведомского, произведшего в селе ровно то же. Малеевку окружили конницей. Припугнув жителей угрозой применения химических снарядов⁵⁶¹, отобрали всё оружие. Выявили 30 человек, записавшихся ранее в Красную гвардию. Поскольку все, отслужив с неделю, разошлись по домам, их просто выпоролы «по принципу унтер-офицерской вдовы». Весь скот и фураж отобрали...

Расположилась Бригада во Владимировке, большая часть населения которой встретило добровольцев сочувственно. Всё оружие, тем не менее, у жителей было изъято для последующей передачи формирующемуся отряду самообороны. Совет разбежался ещё ранее, вместо него восстанавливалось прежнее земское правление.

24 марта (6 апреля) в «пробольшевистски настроенную» Фонтанку была направлена очередная экспедиция. К деревне выдвигался 2-й эскадрон с пулемётом и две лёгких пушки с номерами на лошадях под общей командой ротмистра Двойченко.

В 14 часов провели панихиду по убитым офицерам и солдатам Ширванского полка. Людей собралось немало. Дроздовскому запомнился один старик, плакавший всю панихиду...

Вскоре восстановилась связь с автоколонной, прибывшей в Новый Буг. Новости оказались неутешительными. Командир «броневой батареи⁵⁶²» капитан Ковалевский докладывал, что из-за распутицы большую часть машин пришлось бросить. Прошли лишь броневик №3 и легковой автомобиль. Люди с личным оружием и снятым по возможности вооружением следовали на подводах. Дроздовский приказал присоединиться к Бригаде немедленно.

К вечеру вернулась экспедиция Двойченко. Слухи о появлении «дроздовцев» успели распространиться в округе. Из «зачинщиков» отыскали лишь одного, которого сразу же расстреляли. Остальным удалось скрыться. Затем повторилась отработанная уже в Долгоруково и Малеевке экзекуция. На обратном

⁵⁶¹ Химическими боеприпасами Бригада не располагала.

⁵⁶² Так Дроздовский называл отряд броневых автомобилей.

пути проходили через Долгоруково. Жители села, которые, казалось, должны были ненавидеть добровольцев, встретили их хлебом-солью⁵⁶³.

Утром 25 марта (7 апреля) во Владимировку прибыли офицеры из автоотряда. Докладывали, что колонна их заночевала в 10 километрах к западу. Просили прислать горючее, так как своё израсходовано. Рассказали и о боестолкновении, которое чинам автоколонны пришлось выдержать у селения Воссиятское.

23 марта (5 апреля) колонна с отремонтированными уже автомобилями двинулась на соединение с Бригадой. Погода улучшилась, но у Воссиятского пришлось по длинной раскисшей гати переправляться через заболоченную пойму ручья.

Потратив несколько часов, удалось провести грузовики и цистерну. Броневики же переправить было невозможно. По

---

⁵⁶³ «На всех домах белые флаги, – напишет Дроздовский в дневнике, – полная и абсолютная покорность всюду. Вообще, когда приходим, кланяются, честь отдают, хотя никто этого не требует, высокоблагородиями и сияльствами величают. Как люди в страхе гадки: нуль достоинства, нуль порядочности. Действительно – сволочной, одного презрения достойный народ, наглый, безжалостный, полный издевательств против беззащитных, при безнаказанности не знающий препон дикой разнузданности и злобы, а перед сильными такой трусливый, угодливый и низкопоклонный...

В общем, страшная вещь гражданская война. Какое озверение вносит в нравы, какую смертельно злобой и местью пропитывает сердца. Жутки наши жестокие расправы, жутка та радость, то упоение убийством, которое не чуждо многим из добровольцев. Сердце моё мучится, но разум требует жестокости. Надо понять этих людей, из них многие потеряли близких, родных, растерзанных чернью, семьи и жизнь которых разбиты, имущество уничтожено или разграблено и среди которых нет ни одного, не подвергавшегося издевательствам или оскорблениям. Надо всем царит злоба и месть, и не прошло время мира и прощения...»

Думается, комментировать и объективно оценить эти строки вправе лишь тот, кто сам побывал в подобных обстоятельствах. Но в одном полковник прав. Отношение населения к добровольцам определялось исключительно соотношением сил. И не случайно через год с небольшим офицерские полки на Херсонщине встречали хлебом-солью, ротам постреливали в спину, а отставшие взводы вырезали без остатка.

Весьма сомнительной представляется и эффективность карательных экспедиций. Сиюминутное «наведение порядка» вряд ли компенсировало разбухшую и затаенную до поры ненависть, которая выплеснулась осенью 19-го и едва не захлестнула весь тыл Добровольческой армии.

словам местных жителей, к востоку от села можно было преодолеть ручей через брод с твёрдым каменистым дном. Броневики двинулись к броду.

Тут к гати подошёл отряд полковника Жебрака, который предложил свою помощь. Однако Ковалевский вежливо отказался, уверяя, что справится своими силами. Жебрак не настаивал. Его отряд переправился через ручей, прошёл село и последовал дальше на восток.

Броневики медленно продвигались, с трудом выбираясь из грязи. Команды переправившихся грузовиков отдыхали на берегу, греясь на солнце. Появилась и гармонь. О разведке и охране никто и не думал. Тем временем отряд красногвардейцев в несколько десятков штыков и сабель, пропустив Жебрака и выждав, когда он удалится от Воссиятского, вошёл в село с северной стороны.

От околицы с расстояния не более 300-400 шагов они открыли прицельный огонь по ничего не подозревавшему «дроздовцам». Шофёры бросились к своим машинам, стараясь увести их подальше от гати. Остальные расхватывали из кузовов винтовки.

С запада группа красногвардейцев попыталась атаковать завязшие машины в конном строю. Навстречу развернулась жиденькая, в десять человек, цепь добровольцев и отогнала конницу в степь.

Подошли, наконец, броневики. Ковалевский поначалу не решался стрелять по деревне, что могло привести к гибели местных жителей. Однако красногвардейцы продолжали вести огонь по машинам и залёгшим перед ними шофёрам и техникам, укрыться которым было негде. Первым открыл огонь из всех своих четырёх пулемётов командир броневика №3 капитан Нилов. Следующий за ним пушечный броневик тут же дал несколько выстрелов, накрыв расположение противника шрапнелью.

На этом бой и закончился. Красногвардейцы, прекратив стрельбу, тут же отошли, будто их и не было. Потери в автоколонне оказались на удивление незначительными. Погиб радист

поручик Осадчий, ранения разной степени тяжести получили ещё три офицера. Ущерб понесла и материальная часть. Пули пробиты радиаторы, повредили моторы двух машин и генератор радиостанции.

Не задерживаясь в Воссиятском, колонна вытянулась на тракте и продолжила движение в юго-восточном направлении. Вскоре стемнело. Однако не проехали и нескольких километров, как застряла вначале автоцистерна, а затем и все три броневика. Вытащить их не могли.

Вперёд выслали разведку на легковом автомобиле, которая в первой же деревне наткнулась на отряд Жебрака. Полковник не мешкая посадил часть своих людей на подводы и направил в помощь стоявшей в степи автоколонне «дроздовцев». Но и совместными усилиями удалось вытянуть на твёрдый грунт лишь пулемётный броневик №3⁵⁶⁴. Пушечные броневики и грузовики пришлось испортить и бросить прямо на дороге. Не смогли спасти и цистерну. Наполнили из неё бочку бензина, остальное горючее слили. Потерявшая почти всю материальную часть колонна заночевала в том же селении, что и отряд Жебрака.

Доложив обо всём этом, офицеры также сообщили, что Жебрак выразил намерение присоединиться всё же к Бригаде. Дроздовский принял решение задержаться во Владимировке ещё на сутки. К Жебраку для переговоров был направлен Войналович. К полудню он вернулся, всё уладив⁵⁶⁵.

К 13 часам прибыла, наконец, автоколонна в составе пулемётного броневика и автомобилистов на подводах. Для всех, оставшихся «за флагом» Дроздовский назначил разбивку по ча-

---

⁵⁶⁴ Прежде всего, благодаря его шофёру Генриху Хобару, который плакал, но не давал бросить машину. Вытащили также и легковой автомобиль, на котором везли раненых. На следующий день их переправили в Новый Буг, в надежде на скорое занятие местечка австрийцами.

⁵⁶⁵ Договорились о том, что Жебрак вступает в подчинение к Дроздовскому и выполняет его приказы. Отряд его присоединяется к Бригаде, но самостоятельной боевой единицей и со своим командиром. Кавалеристы Жебрака присоединились к одному из эскадронов, в котором составили отдельный взвод.

стям. Вскоре приехал для представления и Жебрак⁵⁶⁶. Условились, что отряд его выступит на следующий день часом ранее основных сил и, придя во Владимировку, станет в хвост колонны. Благополучно всё завершилось и с ранеными⁵⁶⁷.

Вероятно, здесь же, во Владимировке, Дроздовский наметил дальнейший маршрут движения – на Берислав. Подобные вещи держались им в большой секретности. Более того, даже ближайшие помощники полковника не были осведомлены о его действительном решении⁵⁶⁸. Высланная заранее разведка донесла, что в Бериславе и Каховке стоит отряд противника, красногвардейцев либо анархистов, численностью в несколько сот штыков, и мост ими охраняется. Дроздовский не сомневался в том, что перейдёт Днепр, несмотря на противодействие большевиков. Но предотвратить подрыв ими моста было невозможно. А это могло повлечь за собой потерю артиллерии и материальной части.

Бригада, втянувшись, совершала протяжённые дневные пе-

---

⁵⁶⁶ «Измаильский полковник был невысокого роста, – пишет А.В. Туркул, – с пристальными светло-серыми глазами. Он заметно привлекал ногу...

Полковник Жебрак был ранен в колено ещё на Японской войне, когда был офицером в одном из сибирских полков. Тогда же он получил орден Святого Георгия. На большую войну он пошёл добровольцем: был он военным судьёй, но подал рапорт о зачислении в действующую армию и получил полк Балтийской дивизии, стоящей тогда по гирлам Дуная. Он принёс нам знамя Балтийской дивизии, морской Андреевский флаг с синим крестом. Андреевский флаг стал полковым знаменем нашего стрелкового офицерского полка».

⁵⁶⁷ «...уже сильно начал беспокоиться за раненых, – писал в дневнике Дроздовский, – когда узнал, что вернулся автомобиль, доезжая до Нового Буга – австрийцев нет; по телефону просили оказать помощь вёрст на 30-40 севернее; через ½ часа прислали паровоз с санитарным вагоном, доктором, забрали 3-х, прихватили двух ширванцев, увезли для сдачи в госпиталь; были страшно любезны – безусловно, по рыцарски; на душе отлегло, а то грызла тоска, вдруг случилось, что ни помочь, ни отомстить нет времени, дело дороге; а теперь, слава Богу, отлегло – спокоен за участь исполнивших долг».

⁵⁶⁸ Так, Дроздовским в присутствии Войналовича и Неведомского был оглашён приказ следовать на Александровск и там переправляться через Днепр. Об этом же он оповестил офицеров штаба. Однако, едва утром 26 марта (8 апреля) голова колонны, выйдя из села, стала вытягиваться в восточном направлении, Дроздовский пошёл впереди и распорядился вдруг повернуть круто вправо. Войналович заметил полковнику, что он, видимо, ошибся, на что Дроздовский коротко ответил: «Я знаю, что делаю».

реходы. Ночью и на дневных привалах отдыхали. У Давыдова Брода на несколько часов разминулись с усиленной австрийской ротой, продвигавшейся от Херсона вдоль линии железной дороги. Вышли из местечка утром 27 марта (9 апреля) и к вечеру подходили к Бериславу. Было уже известно, что город занят австрийцами⁵⁶⁹. Поэтому Бригада стала на хуторах в его окрестностях.

Дроздовский отдал приказ готовиться к ночной атаке. В этот раз он рассудил весьма здраво. Пока австрийцы были слабы, о том, чтобы задержать Бригаду, не могло быть и речи. Но стоило им укрепиться и занять Каховку, вероятность попытки запереть добровольцев у моста и разоружить увеличивалась многократно.

На переговоры полковник отправил Войналовича с Жебраком⁵⁷⁰, а конная колонна с броневиком уже пошла вперёд. За ней – пехота, пулемётные роты, санитары, телефонисты, и сзади, под прикрытием отряда Жебрака – обоз. Около 20 часов прибыл с докладом Войналович, но не один, а в сопровождении немецкого унтер-офицера. Выяснилось, что почти одновременно с «дроздовцами» к Бериславу подошёл пехотный батальон 21-го германского полка. Немцы устали после марша, и роты их были слабы, но дисциплину трудно было не заметить.

Войналович доложил, что, в общем, обо всём договорились. Бригада занимала позиции правее немецких цепей, в непосредственной близости от моста, и на рассвете должна была атаковать. Он просил немецкого майора, командира батальона, не перемешивать подразделения, но в темноте сделать это было весьма затруднительно. Одна немецкая рота в итоге расположилась буквально рядом.

---

⁵⁶⁹ Один из высланных вперёд квартирьеров доложил, что австрийцев не более 600 человек, но мост в их руках. В отсутствии артиллерии вперёд не шли, ожидая подкреплений. На левом же берегу Конки (рукав Днепра) большевики рыли окопы и постреливали из орудий.

⁵⁷⁰ «...скажут, что идём домой бороться с большевиками, – писал Дроздовский, – а когда будем овладевать переправой через Конку, попросим их остаться в стороне, потом сдадим переправу им. Сказал, чтобы объяснили австрийцам, кто мы и что переправиться должны».

Русская бригада и немецкий батальон стали на ночлег в непосредственной близости друг от друга. Неудивительно, что вчерашние враги предприняли определённые меры предосторожности на случай возможных недоразумений. Дроздовский, выделив для штурма 1-ю и 2-ю роты, взвод станковых пулемётов, оба эскадрона и отряд Жебрака, остальных расположил так, чтобы в случае необходимости они могли «обеспечивать Бригаду против немцев». Обоз образовал вагенбург далеко в стороне. Однако опасения оказались излишними. Более того, немцы, относившиеся к взаимовыручке как к атрибуту само собой разумеющемуся, прислали в помощь свой взвод⁵⁷¹. Перед атакой Дроздовский даже обменялся с немцами офицерами для связи.

На рассвете 28 марта (9 апреля) артиллерия обстреляла левый берег, и штурмовая группа под командой Войналовича пошла вперёд. Последним въехал на мост броневедомитель №3, однако прогнившие доски настила не могли его выдержать, и машина дала задний ход. Позже его переправили на пароме.

После некоторой неразберихи⁵⁷² выяснилось, что из Каховки большевики ушли ещё ночью. Дроздовский поспешил перебросить на левый берег всю Бригаду. Когда уже днём начал, наконец, переправляться обоз, в штаб зашёл командир немецкого батальона майор Науман. Прощаясь, Дроздовский просил его передать австрийцам в Новый Буг благодарность за раненых и за *возможный приём следующих*.

Броневик, переправленный на тот берег, сразу же застрял в песке, занесённым на выходящую к воде мостовую. Обратились за помощью к австрийцам. Прибыл их капитан со взводом сапёров. Подкладывая под колёса доски, за час перетянули машину через песчаный занос. С трудом волочили повозки и телеги усталые лошади. Но, почувствовав под копытами булыжники

⁵⁷¹ «Под Каховкой германцы предложили нам свою помощь, – пишет А.В. Туркул. – Отличный германский взвод, с пулемётом на носилках, уже подошёл к нам по глубокому песку. Германских пулемётчиков мы поблагодарили, но сказали, что огня открывать не надо».

⁵⁷² Войналович в донесении сообщал: «Берег и Каховка заняты». Дроздовский, всегда рассчитывающий на худшее, посчитал, что заняты – большевиками и поспешил отправить помощь».

мостовой, встряхивали головами и, будто повеселев, продолжали свой путь.

Бригада благополучно, с оружием в руках и не понеся потерь, переправилась на Левобережье...

7.3. От Каховки к Таганрогу. Акимовка

В Каховке население встречало Бригаду радушно. Советский фронт против немцев Антонов-Овсеенко лихорадочно пытался сколотить куда севернее. Там же соответственно были более-менее устоявшиеся и ответственные властные органы. Каховка, как и десятки других городков и местечек, оказалась отданной на откуп командирам разношерстных, далёких от дисциплины отрядов зачастую анархистских.

По словам местных жителей, помимо привычных реквизиций на город была наложена контрибуция в размере 500 тысяч рублей. Не удивительно, что «дроздовцев» воспринимали как освободителей. Да и приход немцев для многих представлялся не худшим из возможного. В Каховке к Бригаде присоединились до 40 добровольцев. В основном – учащаяся молодёжь. Но были и офицеры, и юнкера, и даже чиновники.

В начале Дроздовский собирался остановиться на отдых непосредственно в городе, но там уже располагались переправившиеся вслед за добровольцами немцы. Полковник приказал, не останавливаясь, проследовать в Любимовку, расположенную в нескольких километрах к северо-востоку.

Разъезд в пять сабель, неосторожно отдалившийся от проходящей вдоль Днепра колонны, неожиданно был атакован конным отрядом противника⁵⁷³. Двоим добровольцам удалось вырваться, остальных взяли в плен. Дроздовский немедленно выслал на выручку эскадрон. В конной атаке до 15-ти партизан были зарублены, остальные поспешили рассеяться. Захваченных «дроздовцев» удалось спасти. Как выяснилось, не расстре-

⁵⁷³ Отряд именвал себя «1-м Партизанским Приднепровским» и базировался как раз на Каховку. Позже два красногвардейца, бывшие в отлучке и не знавшие о занятии местечка, пришли откуда-то с хуторов, бродили по улицам, спрашивая у прохожих, где теперь штаб. В итоге были задержаны патрулем и тут же расстреляны.